

к 556

Литература

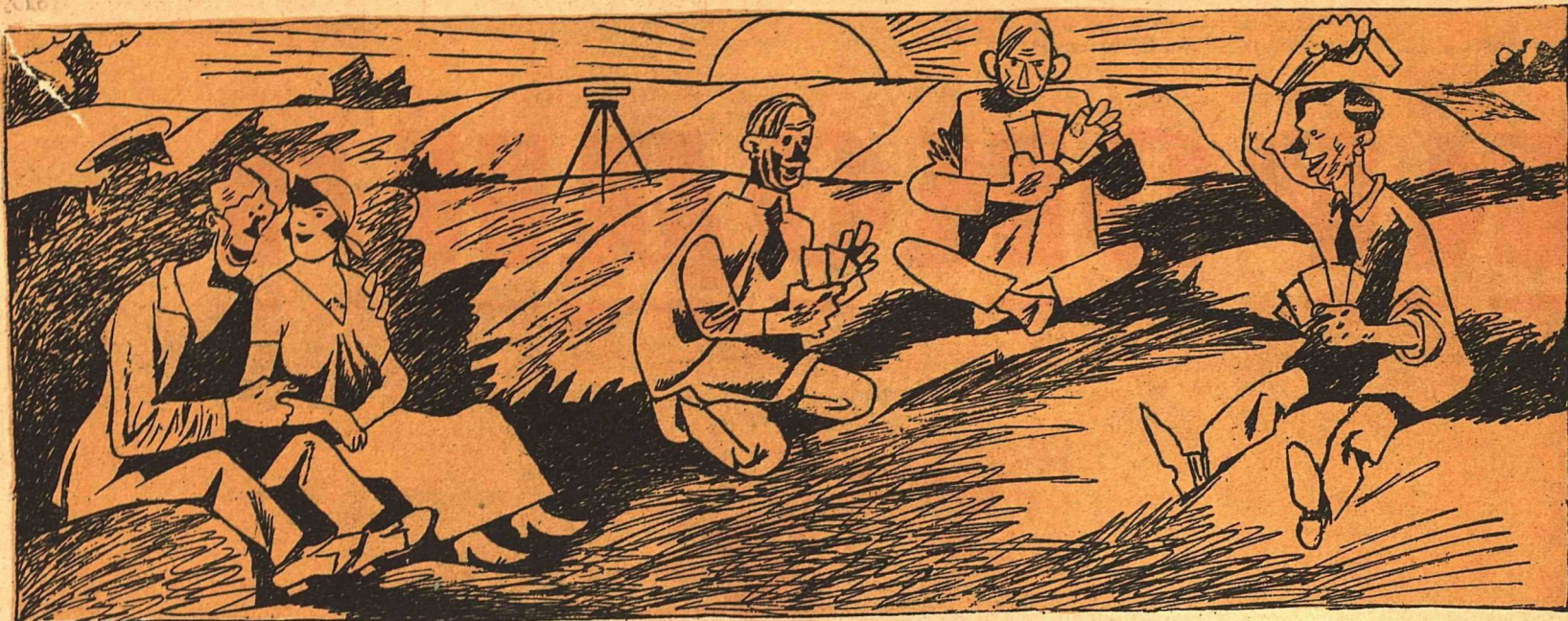
КРОКОДИЛ

Рис. К. Елисеева.

В Болгарии установлен специальный „полицейский час“, после которого на улицах Софии замирает всякое движение.

— Ну, что? Как будто всякое движение замерло?
 — Так точно, ваше превосходительство... Кроме рабочего.

Летние практические работы вузовцев.

НЕПРИЯТНЕЙШИЙ СЛУЧАЙ.

Рассказ сов-обывателя.

Есть у меня... то-есть, вернее, был у меня дядюшка. Его фамилия... Впрочем, фамилии лучше не называть: зачем навлекать позор на седую голову? Родственник же, ведь, все-таки... То есть, вернее, бывший родственник, потому что после подобного случая он мне не дядя, и я ему не племянник: не хочу и не желаю такого родства!

Надо, однако, сказать, что еще недавно в моем дяде не замечалось ничего предосудительного. Дядя, как дядя: тихонький такой и рассудительный старичок, а по социальному происхождению — трудящийся элемент. Но с некоторого времени что-то сдвинулось в старике: начал он слегка завираться. То расскажет вдруг про советские тепловозы, будто они в восемь раз сильнее и дешевле зарубежных паровозов, то — будто в ихнем учреждении всякую справку можно получить в две минуты, то начнет всем советовать на научном основании, чтобы мануфактуру покупали только в жаркие дни.

— В виду того, что метр от жары значительно удлиняется. Купишь по рабредиту на костюм, а тебе, вследствие удлинения метра, еще и на брюки останется!

Словом, по такому пошел человек уклоню, что оставалось ему одно: поступить в ученые метеорологи и предсказывать состояние погоды... К сожалению, однако, дело закончилось не столь безобидным образом.

Случилось так: в прошлое воскресенье зашли к нам с женой в гости несколько человек знакомых, — а за ними припелся и дядюшка. Ну, сидим, чай пьем, разговариваем на разные темы: про Англию и про козны поговорили, про Китай, про другие текущие моменты, затем унификации зарплаты коснулись и вообще. Ну, а затем, когда все на минутку замолчали, дядя и говорит:

— Вчера я в нашем кооперативе «Красный Потребитель» два фунта масла купил. Замечательное масло, поразительное масло: положительно рекомендую и вам взять, пока не разошлось!

Тут бы, конечно, всем промолчать: не девятнадцатый же теперь год, чтобы было интересно поддерживать беседу о продуктах первой необходимости? Но жела моя не сдержалась, и желая повернуть разговор на общественно-социальное, вернула:

— В кооперативах можно иногда купить недорого, но в них ужасно приказчики грубые! По-моему, там надо как можно шире применять женский труд.

Другой, разумеется, ответил бы ей лишь знаком согласия, раз что констатируется общеизвестный и зарегистрированный в газетах факт. Но дядюшка не только не успокоился, а даже наоборот:

— Это в нашем-то, — говорит, — кооперативе «Красный Потребитель» приказчики грубые? Ну, значит, не знаете вы нашего кооператива! Приказчики в нашем кооперативе «Красный Потребитель» очень вежливые, товар отпускают быстро, с покупателем обходительны и дело свое знают не хуже частного продавца. Не говорю уж о том, что на дверях нашего кооператива «Красный Победитель» никогда вы не увидите надписи: «По случаю переучета товаров, магазин закрыт!» Вообще, торговля поставлена там превосходно, и нарекания были бы неуместны.

Тут все, конечно, слегка пересмеялись и переглянулись. Я же, чтобы найти выход из создавшейся ситуации, сказал:

— Вы, дядя, уж слишком... Строй цивилизованных кооператоров, конечно, необходим, и мы должны всемерно поддерживать, но зачем же скрывать от глаз недочеты, которые неизбежны на стадии?..

Но дернула — ж меня нелегкая подлить масла в огонь! Дядюшка прищурился, скрывал рот, да как взъерепенится:

— Какие такие, — говорит, — недочеты?! В нашем кооперативе «Красный Потребитель» ни о каких недочетах и утечках даже и речи не может быть. Не такой это, — говорит, — кооператив, и могу поручиться, что за все два месяца его существования в нем не было ни хищений, ни растрат!

И вышел тут грандиозный скандал.

При других обстоятельствах его бы не вышло: ну, посмеялись бы, заговорили бы про другое, — и конец делу. Только и всего, что пришлось бы мне слегка покраснеть за дяденьку. Но в данном случае произошло такое совпадение: в гостях у меня, среди прочих, присутствовал заведующий этим самым «Красным Потребителем», а жене моей было им обещано место продавщицы.

Как только дяденька закончил свое бестактное выступление, так заведующий поднялся с места, заморгал глазами, переменялся в лице и произнес дрогнувшим голосом:

— Извиняюсь, но всякому плюговому старикашке я над собой издеваться и инсинуировать не позволю!... Отлично понимаю, что все это подстроено заранее и с умыслом, а потому желаю всем счастливо оставаться!

С чем и ушел.

После этого воцарилось неловкое молчание, которое я был вынужден нарушить словами:

— Вам, дядя, я тоже советовал бы удалиться отсюда, и притом — раз навсегда. Довольно мы с женой натерпелись от ваших выходов! Попрошу, гражданин, освободить нас от вашего общества!

Впоследствии дядя заходил еще раз, извинялся и всячески старался уверить, что намерения у него были самые благородные:

— Хотел задобрить заведующего. Каши маслом, думаю, не испортишь: подолью маслица, — он и размякнет в пользу твоей жены... А о кооперативе об этом я, правду сказать, и понятия не имею: сроду там не был.

Но, разумеется, я не поверил и остался при прежней резолюции: что, после такой его подлости, он мне не дядя, а я ему не племянник.

А в общем и целом, — неприятнейший, все-таки, случай, говоря откровенно!...

Грамен.

Последняя новость на сатирическом фронте, —
„КРОКОДИЛ“ выпускает номер „О РЕМОНТЕ“

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА:

М. Андриевская, — В одном из домов. Блеф, — Роковой случай.
Грамен, — Кое что о ремонте. Карпов, — В семь фунтов. Вас. Лебедев-Кумач, — Стройка Ремонт и реставрация. Б. Левин, — Несчастный дом. Л. Митницкий, — Ремонт. В. Павлов, — Город дворцов. К. Милль-Полярный, — Ремонт Михрюкова и др.
Ремонт, как таковой. Ремонт здоровья. „Капитальный“ ремонт.
Ремонт репутаций.

В номере большое количество многокрасочных рисунков художников: Ю. Ганфа, К. Елисева, Ив. Малютина, К. Ротова и др.

Цена номера 15 копеек.

ОТ РЕДАКЦИИ: Нас могут упрекнуть, что мы слегка запаздываем с ремонтным номером. Но ведь и ремонт почти всегда запаздывает. Ничего не поделаешь!...

ИСПОРЧЕННЫЙ ОТДЫХ.

Жара. Воздух течет змейками, как сахар в чаю. На пляже перед домом отдыха — десятки голых тел, разных оттенков, от коричневого до розовато-белого, от лилового до лимонно-желтого.

Лежат неподвижно, прикрывши головы платками, кепками и рубашками.

Худая, обгорелая, как уголь, фигурка занимает разговором вновь прибывшего большого белотелого дядю с жирком:

— Так, так... Вы, значит, из Москвы... Из самого центра, можно сказать... Скажите, как, не собирается там Толбузин-то к нам приехать? Он, что — ведь самый главный у нас в тресте-то? Или нет? Тут слухи ходили, что он собственной персоной к нам преподжует. Администрация даже подтянулась: обеды стали лучше готовить... белье чуть не каждый день меняют... Только я так думаю — зря, не приедет он!

Белая, грузная фигура поворачивается на бок, поближе к собеседнику:

— Почему же не приедет? Может и приедет!

Худой возбужденно высвобождает из-под рубашки острый нос, веселые глаза и жиденькую бородку:

— Чорта с два! Что он тут не видел! Вам, московским, конечно, лучше знать, — а только тут про него, про Толбузина, такие штучки рассказывают...

— Что же именно?

— Тут, которые его знают, — говорят, столько он себе нахапал! Прямо мое почтение! Дерет и с живого, и с мертвого. Этот вот дом отдыха — тоже он придумал... И тут ухитрился нажить. Дело затевает хорошее, — а денежки в карман. И никак к нему не придерешься. Говорят, в газетах про него писали. Правда или нет?

— Не совсем...

— Конечно, вам лучше знать! А только тут много еще кое-чего рассказывают. Будто до бабского сословия он очень большой охотник... Тут у нас в отдельном флигеле три барышни живут... Особый им почтительный. Говорят, все три — его притяже. Как они приехали — заведующий домом волчком вертелся. Двоих с ребятами уплотнил, а дамочек устроил... Вот повернитесь-ка в ту сторону... Видите, они с купанья идут? Видите, какие штучки?

С женского пляжа действительно шли две дамочки в кружевных чепчиках, и когда собеседники обернулись, — дамочки кокетливо помахали им рукой и залились щекокущим грудным смехом.

Худой продолжал:

— Видите? Не успели вы приехать, а они уже вам удочку закидывают. Узнали, что москвич вы, — и стараются. Эх, Толбузина бы сюда! Вот бы он поплясал!

— Почему поплясал?

— А как же? Он тут со всеми романы заведет. Тут был у нас слесарь один... тоже с трестовского завода. Здоровенный малый... красавец... Так уже дамочки вокруг него и так, и сак... прямо проходу ему не давали... Даже противно... А вы то сами из управления?

— Да...

Толстяк перевернулся на спину, отдуваясь и отирая пот:

— Да... Я из управления... И по-моему, вы напрасно про Толбузика тут... ээ... э... всякие сплетни... распространяете. Ведь не будь его, и вас бы тут не было!

— Ну, — это как сказать! Другие бы нашлись дом отдыха устроить. А про Толбузина говорят — ему и так до будущего года не досидеть. Ревизия, вишь, у него какая-то там. Вот если пометут его — все равно ведь на будущий год отдыхать будем? А? Пожалуй еще лучше только?

Толстяк снова заворочался:

— Откуда это вы все так хорошо знаете? Прямо, будто РКИ какая-то! Я бы вам все-таки по-товарищески посоветовал — не распространять ложных слухов... Вы сами-то откуда?

В голосе его почувствовалось раздражение:

— Удивляюсь, ей богу! Приезжают люди отдыхать, а занимаются сплетнями! Порочат человека, которого совсем не знают! Это даже преступление! Вы подрываете доверие к руководителям! Вы занимаетесь контрреволюцией, дорогой гражданин! Да, да! Из какого вы отделения?

Худой приподнялся, насмешливо упершись рукою в бок:

— Те-те-те... Простите, пожалуйста... Вы, оказывается, тоже из толбузинской шаечки... Простите... Не зная броду, — сунулся в воду. Простите, дорогой товарищ! А если вам нужно, где я работаю, — то на заводе «Заря». Зайдите в завком и спросите Ивакина. Вот-с. И Толбузину можете передать!

И, буркнув себе под нос: «Шпингалет московский», худой вновь, обмотавши голову рубашкой, лег задом к взволнованному толстяку.

Оба замолчали...

От дома отдыха бегом спускалась к пляжу фигура заведующего домом. Он махал руками и спешил изо всех сил. Купальщики подняли головы, вопросительно ожидая, в чем дело.

Завдом остановился, запыхавшись, около белой фигуры толстяка, растягивая рот до ушей и едва переводя дыхание:

— Товарищ Толбузин!... как же это вы!... Ничего не сказали... инкогнито... Комнатка вам там готова! Надолго нас порадуете?

— Н-нет... Я ведь так... проездом... Вероятно завтра же и уеду...

Лицо завдома изобразило нечеловеческую печаль.

Вас. Ледеев-Кумач.

ИЗ ПОКАЗАТЕЛЬНОГО СУДА НАД КУРИЛЬЩИКОМ.

— Подсудимый, сколько папирос в день вы выкуриваете?

— Да не меньше сотни.

— Так вы, значит, укорачиваете свою жизнь минимально на 25 процентов. Вам сколько лет?

— Пятьдесят два года.

— Ну, вот! А если бы вы не курили, то вам было бы уже целых шестьдесят пять лет!

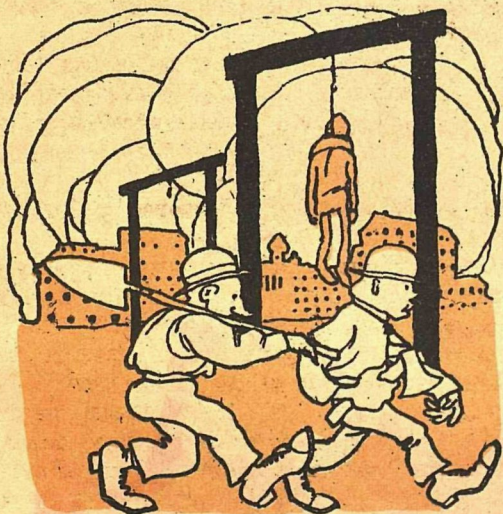
СРЕДИ ВУЗОВЦЕВ.

— Это еще ничего, товарищ, что у вас в комнатке ходить нельзя. У одного моего приятеля такое маленькое помещение, что там часы не идут.

ИХ СОЮЗЫ.

Рис. К. Елисеева.

За-границей, помимо подлинных рабочих союзов, есть союзы, которые целиком работают на Цанкова, Чемберлена и пр. Мы даем ряд картинок деятельности этих „союзников“:

Союз строителей.

Союз работников печати.

Союз работников связи.

Союз металлистов.

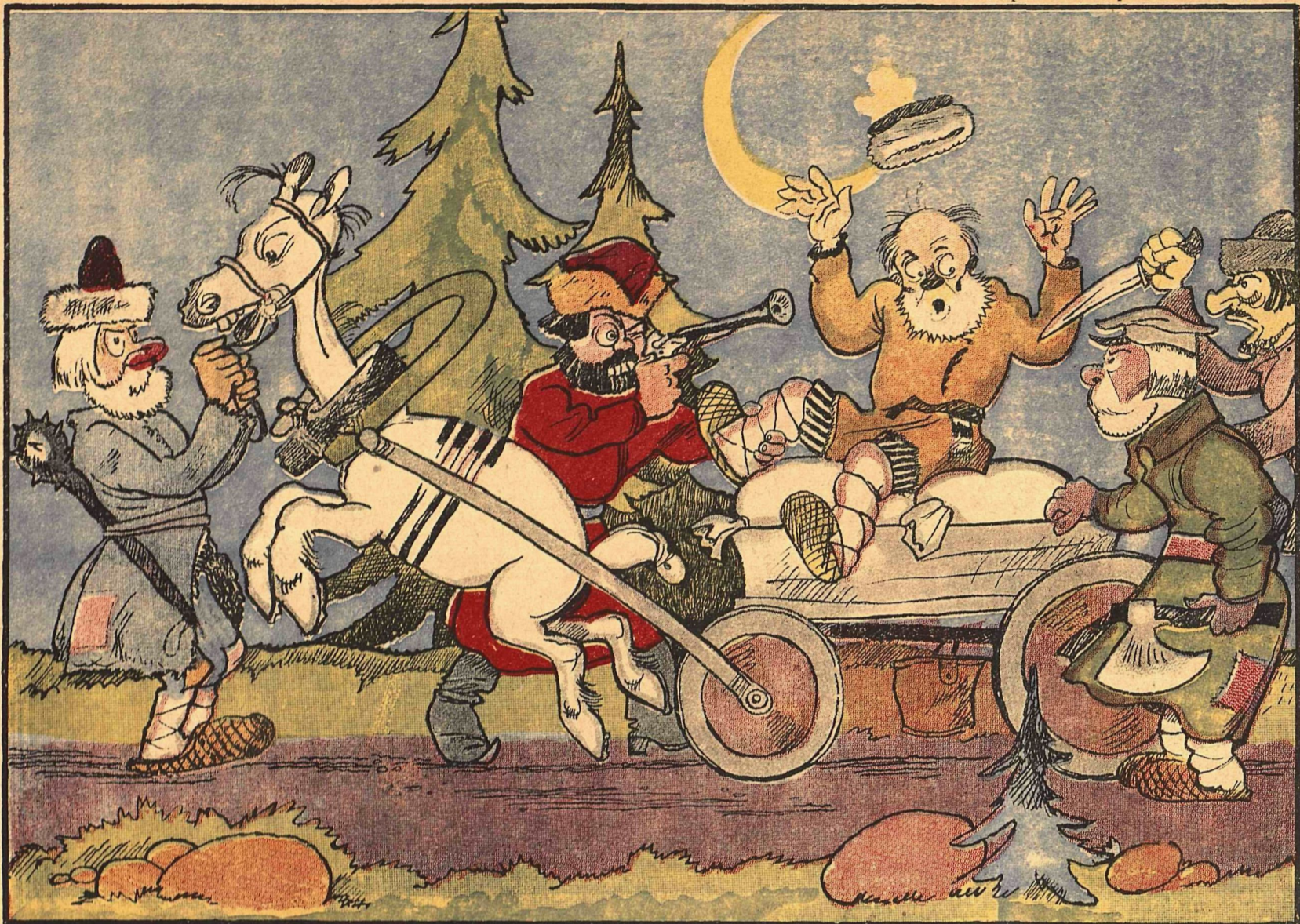
Союз совработников.

К великому нашему счастью, все эти союзы находятся вне Союза ССР.

ВРЕМЕНА МЕНЯЮТСЯ.

Рис. К. Ротова.

В связи с урожаем в деревню двинулись целые армии скупщиков, старающихся перебить хлеб у крестьян.

ПРЕЖДЕ РАЗБОЙНИКИ КРИЧАЛИ КРЕСТЬЯНИНУ:—Отдай хлеб, а то мы тебя уьем!

ТЕПЕРЬ СКУПЩИКИ КРИЧАТ КРЕСТЬЯНИНУ:—Продай хлеб, а то мы себя уьем!

ВИАРЫ В БОК

ЛЮБИТЕЛЬ МАРОК.

Викуловский рик, Ишимского округа, Уральской области, пакеты на имя местного начальника милиции, зав. лесничеством и т. д. посылает почтой, наклеивая на конверты марки. Расстояние от рика до милиции—20 метров.

Председателю рика остается только написать самому себе бумагу с предложением не заниматься ерундой, наклеить соответствующую марку и переложить письмо из левой руки в правую.

ДЕМОКРАТ.

С фабрики «3-й Интернационал» при селе Карбанове, Владимирской губернии, сообщают: «Наш красный директор Ложков на фабричных лошадях ездит рыбу удить».

Что фабричные лошади везут к реке с удочками—это еще понятно. Но зачем Ложков сам беспокоится... Ведь, великолепно мог бы послать своего секретаря, тот бы ему рыбку и наловил. Одно из двух:—либо этот директор уж очень недогадливый, или чересчур демократ.

РАБОТА ГОРИТ.

Часто говорят, что кооперативы торгуют с убытком. Не верно. Просто злые языки брешут. Вот пример:

«В рабкоопе фабрики «3-й Интернационал», Ульяновской губернии, пшеничная, первый сорт—6 р. 80 коп., а такая же мука на рынке 5 р. 50 к. Сандалии 4 руб., а на рынке—3 руб.»

Видите, как выгодно торгует. Чувствуется, что там работа так и горит, так и горит... Даже боязно, чтобы рабкооп вовсе не прогорел.

ПУСТЯКИ.

«Крокодилу» сообщают: «В Борской волости, Нижегородского уезда, на 1-й Госфабрике валеной обуви давным-давно стоят забытые кемто сельско-хозяйственные орудия — рядовая сеялка, плуг, молотилка и жнейка. Никто на них и внимания не обращает».

А кому же обращать внимание? Чай, не администрации фабрики и не шефской комиссии!

У них, может, дела есть поважней. Может, они думают, как бы подшефной деревне трактор подарить. В самом деле—не растративать же им свое внимание на такие пустяки, как сеялки, плуги и жнейки. Что они—растратчики, что-ли?

НЕОБХОДИМО ПРОВЕРИТЬ.

«Рабочим сварочного отделения, судокотельного цеха «Красное Сормово» до сих пор приходится дышать газами и карбидом. Просили рабочие перевести сварочное отделение в другое помещение или поставить хороший вентилятор, но администрация ничего не делает».

Любопытно знать, дышет-ли там еще администрация?

НОВЫЙ АВТОМАТ.

Учительница села Озерно-Кузнецовского, Алтайской губ., сокращена была в августе 1924 года. До сих пор она не может получить денег от УОНО за октябрь 1923 года и май июнь и июль 1924 года. Каждый раз, когда она приезжает за деньгами, ей говорят: «Приезжайте в следующий раз».

Мы предлагаем тамошних нэобразовцев сократить, чтобы стулья без толку не просиживали, и поставить вместо них граммофон, который будет повторять: «Деньги завтра!». На сэкономленные деньги можно будет оплатить счет учительницы.

ДРАМА.

Зря иногда жалуются «Крокодилу». Вот: «Должен был у нас, в Валериановке, в клубе состояться спектакль, но спектакля не было потому, что на сцене состоялся кулачный бой между режиссером Дальским, его женой и одной школьной работницей из-за ревности».

Что же тут плохого? По крайней мере, посмотрели настоящую жизненную драму, а не какую-нибудь халтуру.

Спасибо говорите Дальскому, а не жалуйтесь.

МЕСТА НА МЕСТАХ.

«В трамваях Нижнего-Новгорода сидеть на сидениях невозможно. Неизвестно, по какой причине они так накаляются, что пассажиры принуждены стоять».

Не везде приятно тепленькое местечко. В откомхозе одно дело, а в трамвае другое.

ЗАРУБИ НА НОСУ.

Завед. отделением Моспогруза ст. Москва, Нижегородской дороги, тянул выдачу денег за болезнь грузчику Сухову, которому на работе выбило глаз. Сухов припер зава к стенке, и деньги, наконец, получил, но одновременно он получил расчет без объяснения причин.

Кто старое помянет — тому глаз вон. Тут вышло немного наоборот. Сухову раньше глаз выбило, а потом он старое вспомнил и потребовал компенсацию. Зав. тоже поступил наоборот. Вместо того, чтобы взять Сухова на работу, он его уволил. «Крокодил» тоже поступает наоборот и оставляет зава на своем месте.

О ТЕЛЯЧЬИХ МОЗГАХ.

Единый сельхозналог на 1925 год снижен на 150 миллионов рублей, а у нас, в Вязниках, налог на крупный рогатый скот увеличен в три раза.

Это, должно-быть, потому, что у нас, в Вязниках, обилие скота. Во всяком случае, телячьи мозги имеются у вас с избытком.

ПО ВОЛНАМ.

«Астраханская газета «Волна», от 1-го мая, дает одному из читателей такой медицинский ответ:

«Причин малокровия много: переутомление, недоедание, простуда, врачебная комиссия при Губздраве и т. д.»

За что это «Волна» так окатила врачебную комиссию—неизвестно. Может быть за то, что корректору не дала отпуска, вследствие переутомления—тогда правильно.

ОБРАЗЦОВЫЙ САД.

«При Должанском рудоуправлении имеется единственный в районе сад, но туда никого не пускают»...

Значит, правильно сказано: и рад бы в рай-сад, да грешники не пускают.

ОБРАТИТЕ ВНИМАНИЕ!

Рабочие 1-й Республ. ф-ки в гор. Костроме, живущие в общежитии бывш. больницы, жалуются, что полы там совсем прогнили, дома запущены; сараев и чуланов нет. Держать свои вещи абсолютно негде.

Товарищи, помогаем вам, как можем. Вот даже специальный ремонтный номер выпускаем. Если и это не производит у вас там должного впечатления на кого следует, то тогда еще какой-нибудь номер выкинем.

ПРОСТОЙ РАСЧЕТ.

Пример правильного понимания курса на кооперацию дает Подвысоцкий райисполком, Уманского уезда, Киевской губернии.

«Местный кооператив обложен на 197 рублей уравнительного налога в то время, как чистая прибыль его—31 руб. 50 коп.»

А, пожалуй, кооператив так и был бы описан за долги, если бы этот случай не был описан «Крокодилу».

СПЕШНАЯ ПОЧТА.

«В январе месяце сего года, в общежитии рабочкома почтамта, в Москве, по Потаповскому переулку, в комнату, где находилось 3 человека мужчин, административной рабочей была вселена на одну ночь семья Папундопуло, состоящая из мужа, жены и двух маленьких детей. Живут, несмотря на жалобы в рабочком, четвертый месяц. Дети, как свойственно им, плачут во всякое время дня и ночи». А бывают и спокойные дети, те спят по четыре месяца. И находятся они в администрации рабочкома.

ЧАХОТКА.

В Луганске, на заводе Ю. Р. Уполномоченный по туберкулезному трехдневнику вывесил следующее объявление:

«Желательно, чтобы все товарищи котельного отделения взяли книжки. Имеется в этих книжках большой научный материал для сохранения и развития туберкулеза».

Товарищ уполномоченный, туберкулез не должен развиваться. Вот людям развитие не мешает.

ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНОСТЬ.

Рис. Ю. Ганфа.

ГРОМИЛА (читая объявление): — Нет. Кажется, я взял все, что можно...

НАРКОМПРОСОВСКИЙ ЗЛОДЕЙЧИК

ЗАВЕДЫВАЮЩИЙ

ГУБЕРНСКИМ ОТДЕЛОМ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ и КОСТРОМСКИМ

ГОСУДАРСТВЕНЬ РАБОЧИМ ФАКУЛЬТЕТОМ

В. П. ОВСЕЙЧИК

А. Кострома 192 ... л.

Так вот: этот самый Овсейчик поместил на своем служебном бланке свою собственную фотографию. Пускай все подведомственные учреждения знают, кто-такой есть В. П. Овсейчик.

Жаль только, что Овсейчик не поместил рядом портрета своей жены, детей и родственников до 4-го колена включительно. Правда, это напоминало бы больше семейный альбом, но знаменитости—все простиительно, а Овсейчик прославился теперь на весь СССР.

НЕЧИСТАЯ СИЛА.

Говорят, — здоровье, сила,—самое главное. Так-то так, но иногда от этой силы и худо бывает. Вот, например:

«Райком РЛКСМ Петропавловского района, решив поднять ячейку РЛКСМ в станции Темиргоевской на должную высоту, послал им сильного секретаря. На второй же день по приезде этот секретарь морду набил одному комсомольцу и начал изгонять пионеров из избы-читальни».

Не иначе, как в райкоме, что-то перепутали—такому силачу не ячейку подымать, а гири в цирке. Эх, не умеют у нас народные силы, как следует, использовать.

СКВЕРНАЯ МАРКА.

Секретарь партийной базовой ячейки при Дрезненской мануфактуре, тов. Маркин, очень храбрый человек. Судите сами:

«Пришел тов. Маркин в театр «Коммуна» пьяный и, когда у него контролер потребовал билет, то заорал: «Как ты смеешь, хочешь я тебя вышвырну?»

Тов. Маркин, вот вам добрый совет. С контролем осторожнее. А то еще на такую контрольную комиссию можно нарезать, что и билет отнимет, и... из партии вышвырнет.

ПОБЕДИТЕЛИ.

Пишут «Крокодилу» из деревни Кужутки, Нижегородской губернии:

«Молодежь соседней деревни Зубанихи пришла в райсовет. Узнав об этом, ответственный секретарь ячейки РЛКСМ тов. Мазиков собрал своих ребят и, вооружившись кольями, засел в засаду. А когда зубаниховские ребята возвращались обратно, то кужутковцы выскочили из засады и так их почистили, что те едва до дому добрались».

Говорят, что победителей не судят. Но надо надеяться, что это, вероятно, относится к тем местностям, где нет нарсуда.

ТЕПЛАЯ КОМПАНИЯ.

Трудно дискутировать с такими молодцами, которые за словом в карман не лезут, а только за камнем. Вот:

«В одной из деревень Красноярского уезда, Енисейской губернии, во время антирелигиозной кампании, комсомольцы разбили окна в церкви».

— Ну, и чудак же! Зачем окна бить. Разве стекло распропагандируешь?

Один только убыток, а иногда еще и обрежешься... в особенности, если поблизости райком.

БОРЕЦ ЗА НОВЫЙ БЫТ.

В селе Настине, Нижегород. губ., Павловского уезда, так и селькоры не дают маху. Селькор Юрин величает себя борцом за новый быт, а сам участвует в драках.

Хорошая есть поговорка: — «Что написано пером, того не вырубишь топором». А вот Юрин, очевидно, решил ее исправить: вырубит он топором свое селькорское звание.

ЕЩЕ ОДНА АНКЕТА.

Помимо бесчисленных анкет разных ведомств, которыми наводняется уральская деревня, Уралоблздрав выпустил спец. анкету (66 вопросов) по обследованию санитарного состояния жилья. Уралстатбюро эту анкету благословило, еще увеличив число вопросов в ней, среди которых имеются и такие:

- 1) Обилие каких насекомых в доме отмечает хозяин и
- 2) Отправляются естественные надобности во дворе, в переулке, огороде или на улице...

В отношении последнего пункта анкета облздрава известную пользу сослужить может.

СОВСЕМ ИЗ ДРУГОЙ ОПЕРЫ.

Семипалатинский губисполком постановил, что заведующие губучреждениями могут обращаться по принципиальным вопросам для согласования с губисполкомом только один раз в неделю в определенный час. Таким образом, проситель-крестьянин должен ждать, подчас, решения своего дела целую неделю. Одно из губучреждений и прислало нам сей грозный циркуляр губисполкома.

Что можно сказать? Если семипалатинский губисполком думает, что это один из способов оживления советской работы, то мы спешим его в этом разуверить.

ГОРЕ-ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛИ.

Группа рабочих—крестьян поселка Северного рудника (Никитовский, № 2) через Константиновский РКИ получила разрешение от област. землеустр. комиссии на занятие земли для коллективной обработки. Рабочие приобрели необходимый инвентарь, взяли расчет на руднике, освободили свои рабочие квартиры, и в результате окруж. земотдел внезапно отказал им в разрешении на занятие земли, а вновь назначенный окрземустроитель послал уполномоченных коллектива к чертовой матери. Сидят теперь рабочие без работы и без земли.

Не про этих ли горе-землеустроителей сказано было и довольно задорого: «Легкость в делах необыкновенная»...

ХИТРЫЙ, КАК МУХА.

Народный Судья 3-го участка мест. Лосьва, Речицкого уезда, Гомельской губ., Селькин завел такой порядок, что всякого рода заявления в суд принимает только он лично. Канцелярии принимать дела он запретил. Судья отлучается очень часто, и крестьяне, приехавшие за 40—50 верст, уезжают ни с чем. Теперь судья уехал в 2-недельный отпуск.

Остроумный судья рассудил, наверное, так. Ежели 50 верст проедешь в один конец, да еще 50 в другой, какая уж тут ссора. Тут уж насилу мириться приходится. И судье, главное, много спокойней.

КООПЕРАТИВНЫЙ РЕЦЕПТ.

На старом поселке группы Коминтерна грозненских промыслов магазин и лавка центр. рабочего кооператива закрыты пол-дня в понедельник и целый день во вторник. Рабочие принуждены ходить за покупками к спекулянтам—грекам.

Придется, очевидно, этих самых греков приспособить инструкторами в местную кооперацию.

Или, еще лучше, платить кооператорам жалованье только за четыре дня в неделю. Живо заработают.

Восемь дней в неделю торговать начнут.

ВОЛСОЛОМОНЫ.

Как вы думаете, уважаемые читатели, может ли волземсуд приговаривать к «высшей мере наказания, т.-е. к расстрелу»? Оказывается, может. Не верите? Вот вам выписка из решения Моркиногорского волземсуда, Бежецк. уезда, Тв. губ., по гражданскому иску:

«Постановили: определить истцу Молчанову Алексею от ответчиков Молчанова Сергея и его матери (далее перечисляются вещи: часы, стулья, посуда, икона и т. п.). В случае, если со стороны ответчиков будет проявлено какое-либо притеснение или насилие—применить к ним высшую меру наказания».

Председатель АГЕЕВ

Члены: АЛЕКСЕЕВ, БАРСУКОВ».

Это мудрое решение было вынесено в 1922 году. Напуганный моркиногорскими Соломонами, ответчик подал кассационную жалобу. Через три года, т.-е. 10-го июня с. г., Тверская губземкомиссия утвердила курьезное решение.

Что в 1921 году Волсоломоны приговорили человека к высшей мере наказания,—это не так удивительно. Нас удивляет, почему Губземкомиссия не потрудились внимательнее рассмотреть это решение.

Вот как Губземсоломоны насаждают революционную законность!

СОННЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Председатель месткома издательства «Земля и Фабрика» Харлимов с членами союза обращается свысока, на предприятиях никогда не бывает, зато он мастер писать вот такие объявления:

«...Сотрудники, не уплатившие членские взносы за три месяца, могут считать себя механически выбывшими из членов союза, а в дальнейшем местком поставит вопрос перед правлением об удалении таковых со службы».

Вот это здорово завинчено. В отличие от мух, засыпающих на зиму, т. Харламов спит и зиму, и лето. Таким способом он и добровольное членство проспал.

Спокойной ночи, т. Харламов!

УПРАВУ НАЙДЕМ.

Срок колдоговора с рабочими Ян Брянской канатной и Дубровской шпигатной ф.-ках истек 1 апреля с. г. Брянский губотдел союза заключил новый колдоговор. Прошло уже с тех пор два месяца и 19 дней, а рабочие еще ничего не знают о договоре.

— «Союз управу найдет»,—пишем мы в таких случаях. Тут дело посложней. На союз управу найти нужно, чтоб управлялся скорей с ин-формацией рабочих.

НАСЧЕТ ПОДГОТОВКИ.

Три спеца, входящие в комиссию при управл. пожарной охраны г. Москвы по выдвижению рабочих на административные должности, проваливают рабочие кандидатуры, есылаясь на их теоретическую неподготовленность. Зато они усиленно протаскивают на работу своих спецов.

А эти последние отличаются. Так, нач. Таганской части брандмейстер Сироткин продал казенной сигнализации на сумму около 20.000 рублей и положил деньги в карман. Другой спец—Русakov, бывший начальником до Сироткина, тоже продал казенную сигнализацию, а теперь спокойно служит в Сухаревской части.

Спецы правильно говорили. У рабочих этой самой подготовки... теоретической (на 20.000 р. советских денег) маловато. Зато у спецов ее, пожалуй, слишком много. С такой практической подготовкой принимают в ДОПР без всяких предварительных испытаний.

СЛУЧАЙ С ТОВ. БАБУШКИНОЙ.

Только очутившись в жестком вагоне курортного «ускоренного», заведующая методической секцией клубного подотдела товарищ Бабушкина вздохнула полной грудью.

— Ну-с, теперь можно и от работы отдохнуть, — общительно сообщила она соседям, укладывая на верхнюю полку свой тощий баульчик, обшитый парусиной. — В моем полном распоряжении целых две недели. Теперь на целых две недели я, так сказать, вольный казак. Что хочу, то и делаю. Могу Эрфуртскую программу перечитать, а могу и план клубной работы на второе полугодие детально проработать. А, впрочем, могу и второй том «Капитала» в памяти освежить. Все могу...

Сама удивляясь своей неограниченной свободе и феерическим горизонтам, распахнувшимся перед ней, товарищ Бабушкина сняла с седой головы черную шляпку, поправила на добродушном носу пенсне и аккуратно присела на лавку.

— Хо-хо! — раздалось с верхней полки. — Ай, да тетка: в масло села! Па-а-ге-ха!

— В какое масло? — смертельно побледнела Бабушкина.

— Обыкновенно, в какое. В сливочное, — любезно пояснил голос с верхней полки. И вслед за тем из мрака появилось лицо обладателя вышеупомянутого голоса. Скучающее, веснушчатое, скуластое лицо молодого, но вполне законченного хулигана.

— Что вы говорите?! — ужаснулась Бабушкина, вскакивая, как ужаленная, с лавки.

— Гы, — снисходительно сказал хулиган, сплевывая, — я пошутил.

— Разве так можно шутить, товарищ, — пробормотала Бабушкина, — ведь, юбка. Почти новая. Шведишская. Единственная. А вы вдруг: — масло! Что вы!

— Ладно, — тоскливо сплюнул хулиган и вдруг, стремительно вывалившись в окно, оглушительно, с грохотом и свистом, чихнул:

— Апч-ххи-и-и-и-их!

Проходившая мимо вагона нянька с легким воплем шаркнула в сторону, сбивая с ног нагруженного чемоданами носильщика.

— Ах, пардон, не заметил, — с восхищением воскликнул хулиган. — Будьте здоровы, дамочка! Эй, ребеночка обронили! Па-ге-ха-а!

Он обвел вспыхнувшими глазами публику и, чувствуя себя душой общества и незаменимым весельчаком, прибавил, подмигивая:

— Гы, гы!

Через минуту его глаза погасли, и хулиган впал в мрачную меланхолию. Он высунул в проход большие, пыльные башмаки и развлекался тем, что сбивал с проходивших по коридору шляпы. Но это занятие не доставляло ему никакого эстетического наслаждения.

Раздался второй звонок. Мимо окон пробежало несколько взволнованных пассажиров, отыскивающих свой вагон.

— Псс, гражданин! — деловито крикнул хулиган в окно, — на минуточку!

Толстяк с двумя чемоданами с недоумением остановился у окна. Хулиган конспиративно поманил его пальцем.

— В чем дело? — пробормотал толстяк, бледнея. — Честное слово... Хулиган засуетился, соскочил с полки и побежал по вагону, не без огонька имитируя злое совещание, и возвратился к окну.

— На минуточку, на минуточку, — грозно поманил он пальцем.

— Ей-богу... Честное слово... — залепетал толстяк.

Раздался третий звонок.

Хулиган сощурил глаза и, подозрительно всматриваясь в похолодевшего толстяка, приговаривал:

— Пожалте-ка, пожалте-ка, гражданин...

— Так я же... на поезд... опоздаю... — плачущим голосом сказал толстяк. — Ей же бо...

Паровоз свистнул.

— Извините, гражданин, — широко и радушно улыбнулся хулиган, — пардон, обознался. Хи-хи.

С воплями и ругательствами толстяк кинулся за тронувшимся поездом, а хулиган, свесившись из окна, уже кричал какой-то стремительно мчавшейся по перрону даме:

— Мадам, сумочку обронили! Мадам, билет выпал! Ах, пардон, ошибся! Сыпьте дальше!

Мимо окон бежали поля, столбы и станции. Хулиган развлекался. Он приклеил на дверь уборной билетик с надписью: «По случаю ремонта уборная закрыта» и корчился у себя на полке от приступа здорового и жизнерадостного веселья, смотря, как унылые пассажиры тоскливо мыкались в коридоре возле уборной.

Белые облака неслись мимо окон в голубом небе, и, глядя на них сквозь пенсне, товарищ Бабушкина грустно думала:

«На каком низком уровне развития, однако, стоит наша беспартийная советская молодежь. А почему? А потому, что культработа поставлена плохо. Клубный подотдел хромает. Отсюда и хулиганство. Эх, вот я сейчас, так сказать, еду в отпуск на две недели. Вольный казак. Хочу, Эрфуртскую программу читаю, хочу, второй том «Капитала» прорабатываю... А нет того, чтобы пропагандой среди беспартийной молодежи заняться. А почему бы, например, не вовлечь в строительство этого лодыря? В самом деле: вот возьму и вовлеку. Только это дело деликатное и тонкое. Сначала надо проработать план. Установить, так сказать, степень развития, затем заронить в молодую душу семена любознательности. Гм... Затем можно в кратких чертах обрисовать историю классовой борьбы. Ну, там коснуться Маркса... И отпуск исполую, и хорошее дело сделаю...»

Сказано, — сделано.

Двое суток добросовестная Бабушкина по строго проработанной программе вовлекала несознательного молодого человека в культурно-просветительную работу. Чтобы заслужить полное доверие, она угощала его на станциях чаем, покупала ему папиросы и осторожно бросала семена сознания в его черствую и загрубевшую душу.

Несознательный молодой человек туповато слушал воодушевленную Бабушкину, а в промежутках игриво развлекался: невинно плевал ей на ботинки, по ночам грозным басом требовал от имени ГПУ у перепуганных пассажиров предъявлять свидетельства об осповивании, а днем лениво мазал лавки чем попало. Но, в общем и целом, культработа шла успешно. И когда на третьи сутки впереди блеснула яркой синевой в высшей степени курортное море, Бабушкина нашла, что почва проработана достаточно хорошо.

— Смотрю я на вас, — сказала она нашему молодому человеку, — и думаю: такой, в сущности, хороший молодой человек. Даже, я бы сказала, замечательный молодой человек! И погибает от собственной несознательности. А почему такое? А потому, что оторван от здоровой культурной почвы. От комсомола оторван.

И, вложивши в свой голос как можно больше материнской мягкости и убедительности, самоотверженная Бабушкина сказала:

— В комсомол вам надо записаться. Вот что.

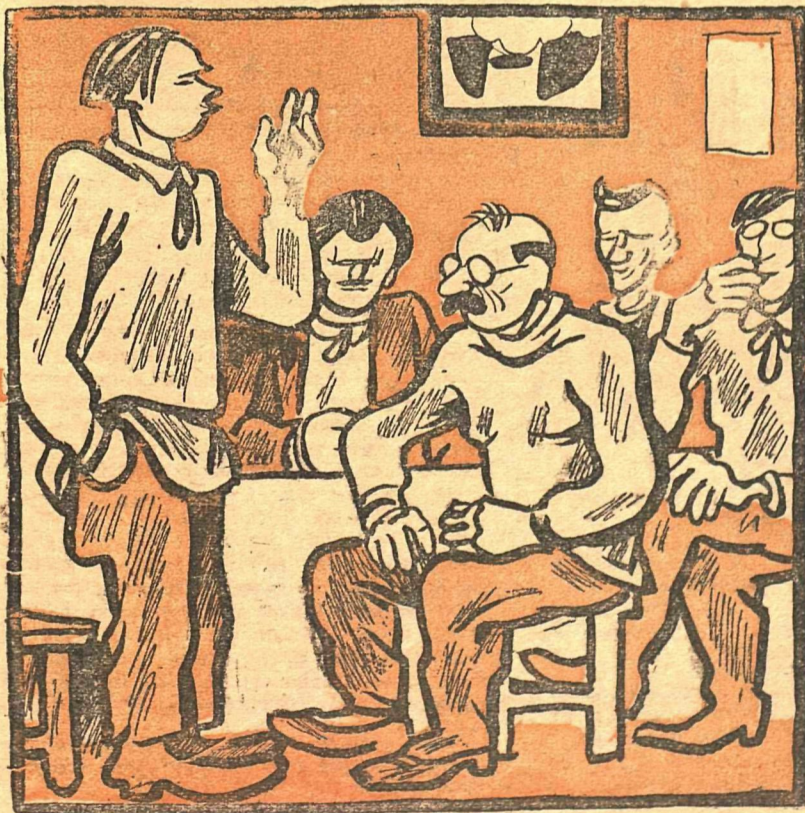
— Уже. Был. В комсомоле, — глухо прошептал молодой человек. — Выкинули, мамаша... И, заметив, что поезд подходит к перрону, закричал в окно диким голосом:

— Эй, гражданин, бумажник потерял! Товарищи, пожар в поезде! Горим! Горим! Вы-пры-гивай! Гы! Гы!

Валентин Катаев.

„МОНОПОЛИСТЫ“.

Рис. Ив. Малютина.

— В глубине народных, пролетарских масс таятся неисчислимые богатства, и только мы...

...только мы знаем пути к раскрытию этих богатств.

ОБ ИНОСТРАННЫХ ДИПЛОМАТАХ.

(Почти по Дарвину).

Иностранные дипломаты являются особым видом человеческого рода. Они рождаются сразу в крахмальных сорочках, и как все дети, лысыми. На 3 день у них прорезываются клыки, на 3-й месяц они уже носят цилиндр и разговаривают одинаково плохо на всех языках.

Дипломаты, как существа высшего порядка, ведут чрезвычайно беззаботный образ жизни, а именно: живут в особняках, завтракают на приемах, обедают во дворцах и ужинают на банкетах.

Кроме того, они не пропускают ни одного скандального заседания в высших правительственных учреждениях.

Дипломат должен иметь фрак, чемодан, цилиндр, гетры, 1 пару белых перчаток и «своего» переводчика.

Один дипломат — диккурьер, 2 дипломата — миссия, 3 — посольство. Все дипломаты составляют так называемый корпус, вооруженный нотами вместо бомб и ультиматумами вместо газов.

Об этом корпусе можно сказать, что он портит фасад мира.

Не существует ни одной войны, которая бы не была делом рук дипломатов, и ни одного дипломата, который был бы убит на войне.

Несмотря на хорошее воспитание, в общелитии дипломаты часто «выражаются». Так, например, «выражают» они: чувство соболезнования, изумления, огорчения, признательности и т. д. Обыкновенно, чувства бывают «неподдельными», чего нельзя сказать о многих их документах.

Когда дипломатам делается скучно среди простых смертных, они устраивают «холодные» встречи, в заранее обусловленном месте — дипломатические пикники, которые называются конференциями.

Конференция отличается от обыкновенного собрания тем, что длится немного менее. Конференция имеет два момента: она открывается и закрывается. О промежутках не стоит говорить.

Не питая друг к другу доверия, дипломаты обмениваются верительными грамотами и приветствиями.

Впрочем, приветствия даются на прокат и по окончании конференции возвращаются обратно с мысленными добавлениями.

Конференция открывает председатель, который должен быть очень остроумным человеком, почему он и называется конферансье.

Потом начинаются прения. Прют 1, 2, 3 дня, после чего, в виду сгустившейся атмосферы, открывают вентилятор, и конференция закрывается.

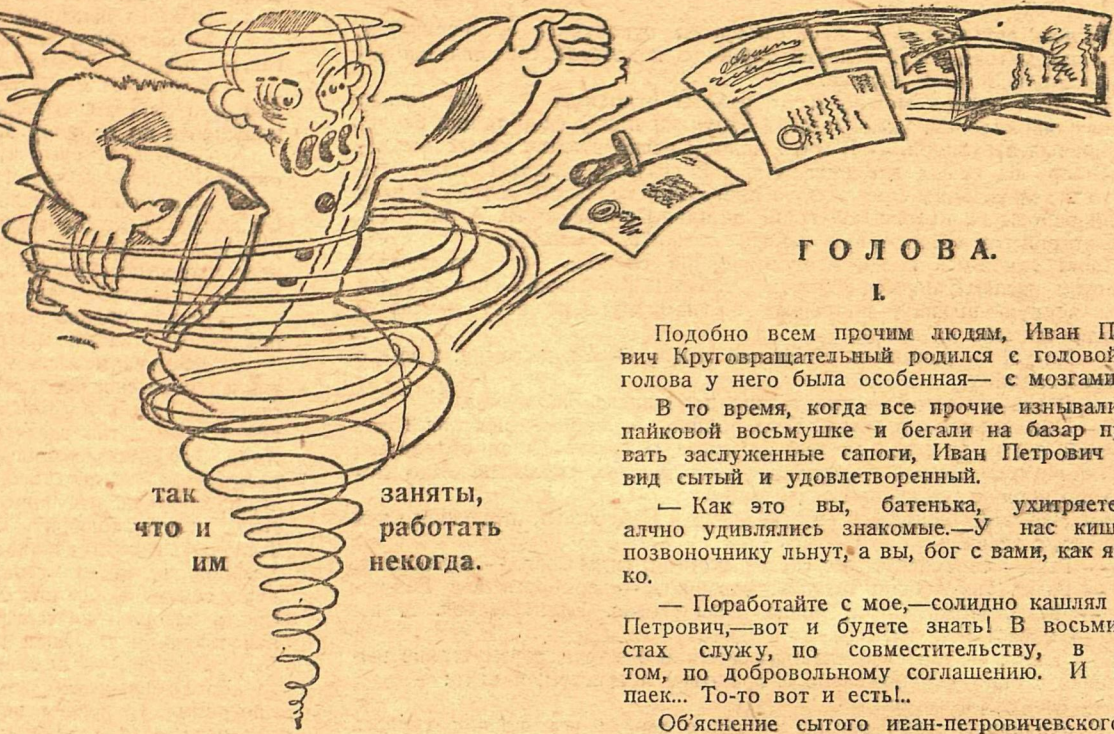
Таковы главные черты жизни этих счастливых представителей несчастного человечества.

Блеф.

ХМЫ ХМЫ

Хозяйственно-материальный отдел Кисловодского курорта на складах «Деловой двор» под открытым небом держит хорошие кровати с сетками. Они ржавеют и приходят в полную негодность. Зав. ХМО Поляков не видит, что у него творится под носом.

Вот, что значит образцовый курорт. Даже кровати, и те воздушные ванны принимают.

так
что и
им
заныты,
работать
некогда.

ЖАРКАЯ ПРОСЬБА.

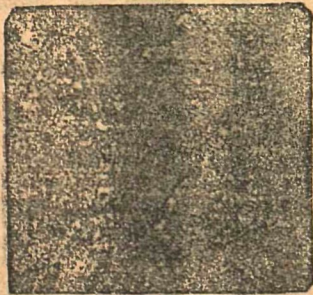
Солнце, одумайся, милое! Что ты!
Кочегары твои, видно, спятили.
Смотри, от твоей сверхурочной работы
Расплавились все обыватели.
В тресте, на фабрике, — всюду одурь;
Ты только взгляни, порадуйся:
Любой делега хуже, чем лодырь,
Балдеет от каждого градуса...
Зря вот ты, солнце, газет не читаешь,
Прочти, — и прими во внимание:
Ты нам без толку жару пускаешь, —
А у нас срывается задание.
Пойми, — такая жара, — преступление,
Дай хоть часок холоденький.
Смотри: заразились знойной ленью
Ответственные работники!
Перо едва дотащилося до точки,
Не хочешь, — а саботируешь.
Солнце смеется и сушит строчки...
Разве его с'агилируешь?

Вас. Лебедев-Кумач.

НОВОСТИ ФОТО-ТЕХНИКИ.

Осложнения на Вост.-Кит

Китайские народные массы с

Представитель СЭСР в Китае тов. Карахан.

Очевидно, Донбасская «Диктатура Труда» (№ от 3 июня с. г.) снимала т. Карахана глубокой ночью в полной темноте. О результатах этого опыта предоставляем судить читателям. Нам кажется, что сходства только мало. Но кто в наши дни думает о подобных пустяках.

ским в тайском. Значи движим лежаща ву в Мэ цессии? 2 милл;ское це не возв Шанхаи Бригади человек из былых ар в качес армии!

ГОЛОВА.

I.

Подобно всем прочим людям, Иван Петрович Круговращательный родился с головой. Но голова у него была особенная — с мозгами.

В то время, когда все прочие изнывали на пайковой восьмушке и бегали на базар продавать заслуженные сапоги, Иван Петрович имел вид сытый и удовлетворенный.

— Как это вы, батенька, ухитряетесь! — алчно удивлялись знакомые. — У нас кишки к позвоночнику льнут, а вы, бог с вами, как яблочко.

— Поработайте с мое, — солидно кашлял Иван Петрович, — вот и будете знать! В восьми местах служу, по совместительству, в девятом, по добровольному соглашению. И везде паек... То-то вот и есть!..

Объяснение сытого иван-петровичевского вида наступило лишь в 22 году, когда он, неожиданно для всех, очутился в тюрьме.

Знакомые ехидно улыбались, жена ходила «на свиданье», плакала:

— Как же у вас теперь, Ваничка, будет? Один правозаступник три триллиона просит!..

— Ну и давай.

— А я с чем останусь?.. Тебе носить надо, детям пить, есть надо, за квартиру стали требовать...

— Ну и глупо! Век мне здесь теперь сидеть... Выйду на волю, устроюсь, ну и поправимся... Опять, того... все будет!..

II.

Устроился Иван Петрович довольно скоро, а так как у него была уроченная голова, то вслед за головой появилась и квартира в шесть комнат, и авто, и симпатия из балета, и многое другое, о чем мечтают под вечерок почтенные, имеющие вкус к жизни, люди.

— Иван-то Петрович, рукой не достать! — завидовали знакомые, теснясь под грозной надписью: «без доклада не входить». Которые посмелее, шушукались с секретарем, нельзя-ли вне очереди, для личных переговоров к самому...

Когда Иван Петрович снова попал в тюрьму, знакомые удовлетворительно хмыкнули. Жена ходила в тюрьму, плакала:

— Теперь, Ваничка, правозаступник требует 18 тысяч. Вторая, говорит, судимость.

— Ну и давай!..

— А я с чем останусь... Тебе носить надо, мне с ребятишками жить надо...

— Ну и глупо! Век мне здесь сидеть!.. Вот выйду из тюрьмы, устроюсь... И опять все у нас будет...

III.

Умная голова у Ивана Петровича. Но хоть и умная, а не додумается до того, что она, собственно, на тюрьму батрачит. Что Иван Петрович на воле наработит, то в тюрьме спустит.

А тюрьма!.. Что-ж на нее работать! У тюрьмы глотка широкая. Она сколько хочешь съест!..

М. Андр.

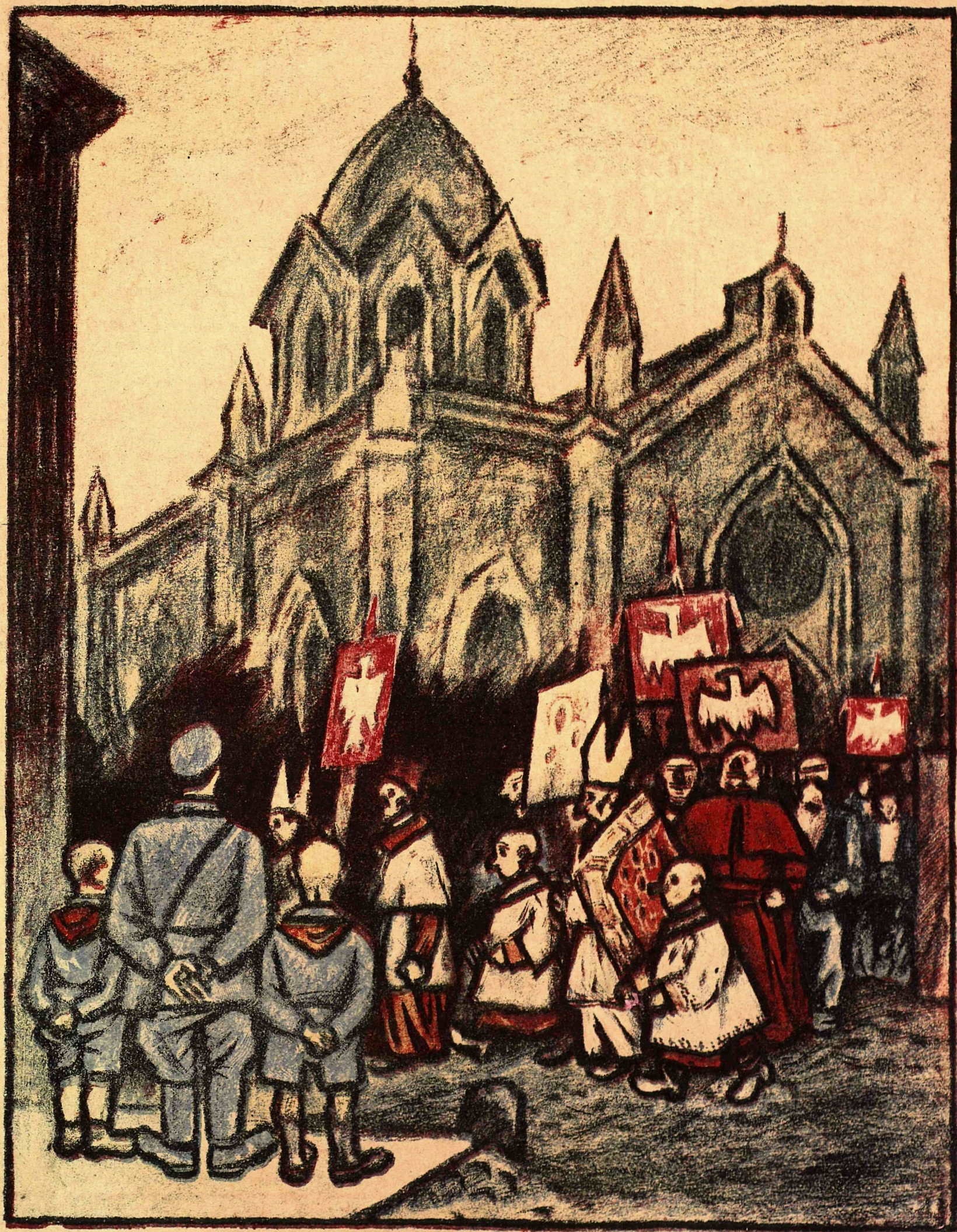
ОБРАЗОВАННОСТЬ.

«Магазином Егорьевского отделения здравоохранения получен из Москвы рекламный листок Москомпрому. Листок этот содержит описание достоинства крема «Метаморфоза» на польском, французском и немецком языках. По-русски одна строчка: «Поставщик императорского двора. Остроумов».

Много языков знает Москомпромсоюз, но при такой работе найти общий язык с рабочими и крестьянами ему будет трудно.

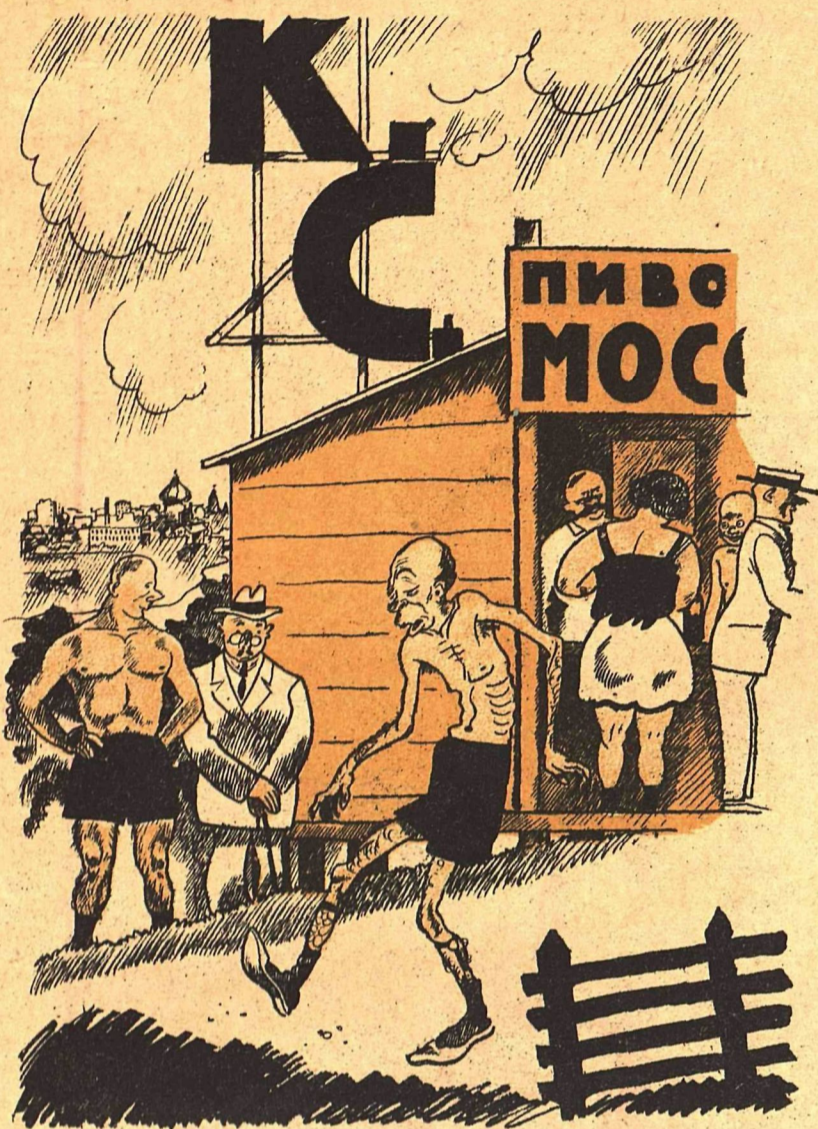
Во время своего национального праздника польская колония в Москве устроила на улицах процессию с иконами и флагами, где были изображены белый орел, „матка бозка“ и пр.

Рис. Ив. Малютина.

— Ишь, чорт! Знамена с орлами! На советской улице — и белогвардейский праздник!
— Погоди! Дай срок! Будет и на их улице наш праздник!

Рис. К. Ротова.

...Но иногда в нездоровом теле бывает здоровый дух.

КИТАЕЦ.

(Картинки окраины)

*В окно смеется дворик светлый,
Кричит развешенным бельем.
И ветки дерева под ветром
Зеленым пенятся ручьем.*

*Вошел китаец исхудалый,
Сложил ввалившийся мешок,
И был в спине его усталой
Всему живущему упрек.*

*Он так кривил улыбкой скулы,
Как будто долго ждал испить.
Я встал—и сразу стал сутулым.
— Ах, если б весь мешок купить!*

*Но он ушел. И ветер горстью
Вдогонку пыль ему швырял...
Во сне—пришел ко мне он в гости
И по-китайски укорял.*

Вас. Лебедев.

НЕ ВЕЗЕТ.

— Конечно, так у вас дело не пойдет. Нужно привлечь опытного дельца-коммерсанта.
— Дорогой мой,—трое их уже было!
— Ну, и что же?
— Да все то же. Сперва мы их привлекаем, потом суд их привлекает.

За станцией у желтого забора сидел здоровенный парень в синей рубахе, разостлав перед собой на траве листок замазанной, с прилипшими хлебными крошками, газеты, он сосредоточенно ловил мух и давил их в грязном кулаке. Скуластое лицо парня было разукрашено синяками и кровоподтеками всех цветов радуги, голова обвязана грязным платком. Рядом запряженная в телегу пегая лошадейка лениво отмахивалась облезлым хвостом от мошканы и тинулась мордой к запыленной мураве. Увидев меня, парень вскопчил.

— Поедем, что ли?—сказал он, швыряя комок бумаги в лошадиную морду:—Куда ехать-то? Дешево свезу, лопни глазенки!

— В Сучкино...

— В Сучкино? — оживился парень: — Да я-ж сам отседа. Андрей Марыгча Кузькина знаешь? Ну, так я сын свонный. Чичас я его в город проводил. А ты к кому едешь-то?

— К учителю...

— Знаю! Очень даже довольно знаю. Садись, за трешницу свезу. Только, чур, деньги вперед.

Я вручил ему три рубля и уселся в телегу. Парень сел рядом, дико закричал, размахивая кнутом, — и пегая лошадейка помчалась рысью. Долго мчались мы в облаке едкой пыли, пока парню не надоело и лошадь пошла шагом.

— Это как же тебя так изукрасили? — Спросил я парня.

— Пропагандил я на счет опиума леригии,—хладнокровно отозвался он, тыкая кнутовищем в лошадиную зад:—от пропаганды это.

Да ты что-же, комсомолец, что ли?

— Кто? Я-то? Нет—чу!—Усмехнулся парень:—совсем беспартийный. По пьяной лавочке с дружкой моим Васькой Бульчовым на Троицу пропагандили. На Троицу, понимаешь-ты, престол у нас. В заутреню заходит ко мне Васька и говорит:—Пойдем, Мишка, до нас, мамка моя самогон для праздника гонит, а тятка в церковь ушедши. Айда самогон пробовать.

Пошли. Мамка его было не хотела нам подносить, да Васька живо ее привел в православную веру: обложил матюком и в шею вытолкал из избы. Самогон, прямо, был выдающий: хлебыстнули мы с Васькой стаканчики по три — и глаза у нас на лоб полезли. Хороший был самогон! Тут Васька мне и говорит: «Слухай, Мишка, друг ты мне, аль нет? Значит, должен ты во всем мне подружиться до полной невозможности. Желаю я пропагандить против леригии, поэтому — наш поп, мать его в печенку, меня фулюганом излалял. Шел я наемдни по селу, плюнул ему тихим манером сзади на подол его рясы, а он, стерва, заприметил — и фулюганом меня... Пойдем, Миша, к церкви, попутно с девками пожирuem...

Пошли. В ограде церковной девки в новых кофтах табуном топятся. Мы—к ним, а они лататы задали.

«Ну их к мохову — говорит Васька: у них морды грязные. Давай пропагандить. Я чичас весь народ живым манером из церкви выгоню. Пойдем к колоколам».

А колокола у нас, понимаешь-ты, не в колокольне висят, а станок особый в ограде для них сустроин. Подошел Васька к станку, разобрал веревки и ударил во все, как на пасху. Я схватил тоже веревку, которая слободная, и давай ему под'елдонивать. Потеха! Понятно, который народ чичас же из церкви повалил. Бежит к нам сторож Еремка, злоехидный такой старикашка, кричит, руками машет. Васька ему как по морде двинет, он—и лапти кверху. Тут уж народ который к нам бежит. Васька было начал пропагандить: дескать глупо в посты скоромное не есть. Куда-те! Как почали нас чесать, кто кулаком, кто бадиком. Едва мы домой доползли. Вот оно как было.

— Здорово! — Мог только пробормотать я.

— Это еще делу не конец! — лукаво улыбнулся парень: — Мы с Васькой в ту же ночь и из лугов, и из пожарного сарая всех лошадей тихим манером в лес угнали.

А тут от самогонного плепарату избушка одна загорелась. Все мечутся, как угорелые, ищут лошадей, чтобы, значит, пожарный насос и бочки с водой везти, а лошадей—Митькой звали. Смехота! Так, почитай, половина села и сгорела. И школа сгорела, и учитель, к которому ты едешь, вот уж с неделю как в город уехавши.

— Так почему же ты мне сразу не сказал?

— Хитрый—Митрий!—лукаво подмигнул мне подбитым глазом парень: ежли бы я сказал у станции — ты деньги бы потребовал назад. А теперь трешка у меня в кармане. И очень мне желательно посмотреть, как ты будешь пешком до станции переть за 10 верст.

Я поглядел на кулаки возницы, соскочил с телеги и тихо побрел назад к станции.

Н. А. Карпов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УГОЛОК.

Литература для знатоков.

КАК ЭТО БЫВАЕТ?

У жены очень ответственного работника была подруга, у подруги мать. У матери — знакомая, сестра которой замужем за помощником бухгалтера какого-то маленького отделения какой-то губернской газеты. Этот помощник бухгалтера в свою очередь был знаком со счетоводом базисного склада какого-то госторга. А сестра счетовода была влюблена, но тихо, скромно и тайно, в одного молодого человека, страдавшего от безработицы. Молодого человека звали Костей и смутно предполагали, что его фамилия Очканов, но это было не наверное. Вот и все.

Сестра счетовода за обедом счетоводу сказала:

— Ах, этот Костя Очканов такой милый, такой милый. У него синий галстук с золотой полоской, и он его завязывает как-то по-особенному. А, кроме того, — глаза. И вообще. Но, — бедный мальчик, — он без службы. Это так ужасно, так ужасно. Неужели у вас на складе нет места, куда бы его можно было устроить? Он такой способный, такой способный! Он все может.

Счетовод сестре сказал одно слово:

— Мугу.

Это не значило — «могу», потому что счетовод ничего не мог. Это просто значило, что у счетовода был рот занят картошкой, а картошка была горячая, хотя и молодая. Дальше разговор сехал на совершенно иные рельсы, и о Косте не упоминалось.

На другой день счетовод в беседе с помбухгалтера, исчерпав все темы, случайно вспомнил о Косте и спросил пома:

— А что, Петр Николаевич, нет ли у вас там местечка для одного паренька? Контролером бы куда-нибудь или инспектором. Глазастый парень!

Помбух потер переносицу и устало, но внимательно сказал:

— Нет, какие там пареньки! Штаты сокращаем. А еще ходят слухи, что наше отделение совсем ликвидируют...

Дома Петр Николаевич, рассказав о своих опасениях насчет ликвидации отделения, поболел душой за безработных и кстати сообщил:

— Вон который месяц парень один мучается без работы. Да какой парень-то — золото! Своя земля на три аршина видит. И — никакая сила. Костя Очкин. Талантище...

Жена помбуха рассказала о грозной участи, ожидавшей ее мужа, своей сестре, также приведя пример несчастного, но талантливого Кости. Сестра, встретившись с матерью жены ответственного, попрекнула ее замужеством дочери, как обычно, и сказала:

— Вот ваши работники. Строй тоже, называется. Человек у нас без работы ходит, а в Европе — его бы золотом осыпали. Клад, а не человек. У нас, конечно, голодает. Несчастный Костя Очковский. С его глазами — и голодаты! Все видит. Удивительное зрение.

Мать жены ответственного посочувствовала, а дома сказала дочери:

— Попросила бы ты мужа устроить этого, как его? — Константин Очкова. Изобретатель, только теперь глаза болят, не может по специальности работать. Не умирать же человеку с голода оттого, что глаза попортил на работе.

Вечером жена сказала ответственному:

— Леня, нет ли у тебя там местечка для одного больного изобретателя? Может слышал — Константин Очкасов? Почти ослеп, бедняга!

— Ну, Женечка, какие же у меня местечки для изобретателей! И вообще — твердые штаты. Он бы в АИЗ обратился, что ли...

Дня два спустя в кабинете у Леонида Павловича было заседание. После заседания задержался один из руководителей какого-то хозяйственного предприятия, задержался просто так, чтобы поговорить с уважаемым человеком.

«Чорт его знает, чего он сидит! — думал Леонид Павлович: и говорить-то с ним не о чем, да и дела много. Шел бы уж».

А задержавшийся рассказывал что-то об изобретателях, изобретениях и о прочем. Леонид Павлович вспомнил:

— Кстати, если вам понадобится на работу человек, — попробуйте этого, как его... Словом, тут изобретатель один есть! Что-то для глаз изобрел, очки какие-то, кажется.

— Ды господи, Леонид Павлович! Давайте же его сюда! Сколько лет такого человека ищем! Присылайте завтра же!

По длинной цепи, соединявшей Костю с Леонидом Павловичем, пронеслась весть о должности для Кости. Костя вежливо пришел в назначенное место.

Руководитель дал ему записку к управделу, — управдел встретил Костю с изумлением:

— Куда же я вас дену-то? Чудаки, право! И так все переполнено, а тут еще...

И пошел к руководителю. Но тот заявил:

— Куда хотите! Только, пожалуйста, на приличный оклад. Сам Леонид Павлович просил. Не то родственник его, не то учились вместе. Пожалуйста уж!

Управдел побледнел, обласкал Костю и куда-то назначил. Первые дни Костя употребил на то, чтобы установить свою непригодность к какой бы то ни было работе. А установив это твердо раз и навсегда, он перестал бывать в учреждении. Два раза заходил в месяц: двадцатого и пятого. Заходил прямо в кассу, расписывался в получении жалованья по 16 разряду плюс 45% нагрузки, брал деньги и тихо уходил. Все о нем уже забыли, забыла сестра счетовода, забыл управдел. Но жалованье Костя получает.

По слухам, — подает в РКК заявление о прибавке.

Вл. Павлов.

ЕВРОПЕЙСКАЯ АВАРИЯ.

Упорно на Восток, поставив паруса,
Корабль Европы шел, опасности не видя.
Но буря грянула... — Где сила и краса? —
Заела Англию китайская коса,
А Франция трещит, на рифах сидя.

Кузьмич.

СПОРТИВНЫЕ ЧАСТУШКИ.

Футболистом стал Аким,
Крутит гордо усики;
Приказал жене портки
Переделать в трусики!

Ну, и черти футболисты,
Нет на них погибели! —
Пять „голов“ они забили,
Семь зубов повыбили!

Любоваться все слетелись
Новою картиною:

Жарит Сидор в лаунтенис
С сеткой Якулиною!..

Ходит Дарья невеселой,
Не находит места:
Вишь, атлетичной „тяжелой“
Стала дочь-невеста.

В боксе Ваня — чемпион.
Бокс ему не страшен!..
Потому-то нос его
Завсегда расквашен!

Заведующий этим библиографическим уголком.

(см. рис. выше).

Рис. Ив. Малютина.

Иконостасский переулочек
Зарос акацией густой.
Он — очень тих и странно гулок
Своей всегдашней пустотой...

Устои старые сметая,
Перелеснулась жизнь до дна,
А здесь, повсюду разлитая,
„Святая“ тает тишина.

От солнца радужные мухи
Смакуют на дворе гнилье,
И у заборчиков старухи
Ворчливо штопают белье.

На мостовой не может смять
Травы случайный гость — извозчик,
За целый день — пройдет разносчик —
И снова тишь, и снова гладь.

А вечером здесь млеют пары,
Как млели сотни лет назад,
И дребезжащие гитары
Поют про чей-то жгучий взгляд.

И, с видом старенькой собаки,
В окне согнувшись, как крючок,
Их слушает, подперши баки,
Заплесневелый старичок.

Он слушает, сухой и старый,
Гитары тихий перезвон.
Он стар — но люди там с гитарой,
Они — еще старей, чем он.

Кричат газеты о Китае,
И в берег жизни бьет волна...
А здесь — тупая и пустая,
Как тина, тает тишина...

Вас. Лебедев-Кумач.